

Борис Носик

Две милые армянские девочки из той жизни

Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)

Борис Носик

**Две милые армянские
девочки из той жизни**

«Автор»

1998

Носик Б. М.

Две милые армянские девочки из той жизни / Б. М. Носик —
«Автор», 1998

"...Недавно встретил я, одну за другой, двух очень милых армянских женщин, которых знал когда-то маленькими девчушками в разных концах России, – совершенно невероятная встреча, а может, это только мне кажется, что невероятная, во всяком случае, невероятная для меня, не для них и ни для кого другого. И главное, я встретил их случайно..."

© Носик Б. М., 1998

© Автор, 1998

Борис Носик

Две милые армянские девочки из той жизни

Рассказ

За полтора десятка лет мне так и не удалось обзавестись друзьями в Париже. И то сказать, я приехал сюда в том возрасте, когда друзей не заводят, а теряют. Когда друзья уходят. Уходят в никуда, насовсем, исчезая, впрочем, с твоего горизонта еще и задолго до этого окончательного ухода: у всех появляется новый круг друзей, у всех семьи и свои хлопоты, да и выжить трудней становится, спокойной, обеспеченной старости никому из нас не выпало. Оно, впрочем, может, и к лучшему...

В общем, друзей у меня в Париже нет, однако вдруг встречаются, совершенно случайно, какие-нибудь старые знакомые или полужнакомые из той, прежней, московской или даже немосковской жизни. Ну, скажем, встретил неподалеку от дому, на пути к Люксембургскому саду школьных лет подружку с нашей Первой Мещанской: она училась рядом, в двести восемьдесят третьей женской школе, приходила с одноклассницами на танцы в нашу мужскую двести семьдесят третью и покорила сердце моего лучшего друга – она и правда была совершенно очаровательная. Теперь она уже лет сорок, как замужем за симпатягой-французом (бывают и такие, бывают), живет близ Люко, и мы с ней изредка перезваниваемся: у нее тот же голос и тот же смех, что в ранней юности...

Ну а вот недавно встретил я, одну за другой, двух очень милых армянских женщин, которых знал когда-то маленькими девчушками в разных концах России, – совершенно невероятная встреча, а может, это только мне кажется, что невероятная, во всяком случае, невероятная для меня, не для них и ни для кого другого. И главное, я встретил их случайно... Случайно занесло меня в армянскую книжную лавку неподалеку от Сен-Жермен: шел мимо, увидел армянские буквы в витрине и вошел раньше, чем успел подумать, что мне, собственно, ничего в этой лавке не нужно. Тут как раз ничего нет странного: мне вообще редко что бывает нужно в Париже, когда приезжаю с хутора, из Шампани, – ну, повидать жену и дочку, поменять и книги в библиотеке, и белье, записать про запас пяток передач на радио. Повидал, поменял, записал – и можешь уезжать. Оно и правда ведь в тамошнем одиночестве самое созерцание одинокой груши «кюре» у забора или размышления о несостоявшемся творчестве могут сойти за дело, за «творческий процесс», тогда как в Париже неприкаянность моя и непристроенность настолько очевидны, что я был даже как-то раз задержан полицией, по этому самому признаку («Вид у вас такой, – объяснил мне полицейский, – будто вам некуда деться»). Большой психолог.) Наверно, и в армянском книжном у меня был такой вид, потому что ко мне сразу подошла симпатичная дама-продавщица и спросила, какая мне нужна книга и, вообще, не армянин ли я, случаем. Я усмехнулся, потому что от вопроса этого повеяло ветром молодости: все двадцать пять месяцев моей срочной службы, отбываемой на территории Армянской ССР, в городке Эчмиадзине, что близ турецкой границы в виду двугорбой горы Арарат, а точнее, Масис, местные жители задавали мне этот самый вопрос. Отчего-то для них очень важно было знать, армянин я или нет (я, конечно, сильно смахивал на армянина и всех прочих нацменов), что-то это для них такое значило особенное, чего я до сих пор не пойму, потому что какая мне разница, армянин я, еврей, грек, курд или турок, если я русский и говорю по-русски. Но для них это, похоже, было важнее всего, так что я в конце концов привык к этой фразе, еще раньше, чем научился чутко по-армянски. «Ду хай эс?» И даже отвечать научился по-армянски: «Ее хай чем» (нет, мол, не армянин). Конечно, разговор на этом редко кончался, потому что следовал сразу негодующий возглас: «Ба инчес?» (А кто ж ты тогда? В чем дело?), а один человек

даже попытался объяснить мне по-русски причину этого возмущения: «Не люблю такой люди, который от своя нация отказывается». Он имел в виду мое нежелание быть армянином, но, как я теперь понимаю, он сразу поверил бы в мою честность, если б я заявил, что я еврей (кто ж станет на себя возводить такую напраслину?). Он, конечно, добавил бы, что «где армянин, там еврею делать нечего», но простил бы меня, поскольку я прибыл туда не по своей воле. Но я не объяснял, что я еврей, потому что не считал себя в достаточной степени евреем, чтобы вступать во все их игры. После возвращения из Армении я уже достаточно объяснялся по-армянски, чтобы рассказать, откуда он взялся, мой армянский, хотя я и не армянин: вот, мол, служил два года в Эчмиадзине («бнаквелем ерку тари») и чуток научился. Именно так я и объяснил все это молодой симпатичной даме в книжном близ Сен-Жермен и даже спросил ее по-армянски, знает ли она, где он, этот Эчмиадзин.

– О да, – сказала она по-французски, с некоторым даже удивлением, а потом добавила, покачив головой: – Не могу сказать, чтоб я хорошо помнила Эчмиадзин, но я там родилась...

Это было удивительное совпадение. Не то, что в Эчмиадзине появлялись на свет армянские девочки и мальчики, но то, что вот тут, близ Сен-Жермен... Дело в том, что, когда я вот так шатаюсь без дела близ Сен-Мишель или Сен-Жермен, мне все время кажется, что я непременно встречу кого-нибудь с Первой Мещанской, из Душанбе или Эчмиадзина, – и вот, сбылась мечта идиота...

Я был очень взволнован и для начала хотел спросить ее, где она жила, не жила ли она поблизости от винного завода и старинного храма Рипсима (ибо именно там размещалась наша воинская часть с условным почтовым номером 48874), но потом решил спросить про главное, чтоб не забыть (именно это со мной и происходит в последнее время):

– А вот на этой окраине, где храм Рипсима, на Четвертой улице, там жил с семьей молодой учитель французского Эскузян. Вы ничего о нем не слышали? Я ему много раз писал, я его искал...

– Если вы имеете в виду Андре Эскузяна, – сказала дама спокойно, – то это был мой отец. Вы что, знали его? И бывали у нас дома в Эчмиадзине?

Столько вопросов. И надо отвечать по-французски. И вдобавок во Франции, где я на любые вопросы отвечаю всегда бестактно и невпопад. Так, наверное, и сейчас.

– Когда я в первый раз пришел к вам, – сказал я, – ваш отец купал вас в цинковой ванночке на кухне. Вернее, мыла вас бабушка, а отец поливал вас из кувшина. Вода проливалась на пол, и я, помню, удивился, потому что пол там в домах был земляной. Я удивился, что он не боится за пол. Но он, наверно, удивился больше моего, когда в дом к ним вдруг пожаловал незнакомый парень в солдатской форме. Но потом он догадался, что это проделки его жены, потому что он крикнул: «Симон! Это к тебе, Симон!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.